

Первые страшные недели войны. Выпускники Военно-морской медицинской академии получают дипломы флотских врачей и назначения в части и на корабли ВМФ. Новенькие, ещё до войны, пару месяцев назад, сшитые кители, щеголеватые с блестящими “нахимовскими” козырьками чёрные фуражки. И среди этого молодого воинства немало белых девичьих беретов, украшенных военно-морской эмблемой – это женский взвод выпуска ВММА 41-го года. Вот и окончены все военные формальности: несколько молодых врачей-офицеров направлены в госпитали и на корабли Кронштадта и Ленинградской военно-морской базы, а более сотни сокурсников – на другие фронты и флоты.

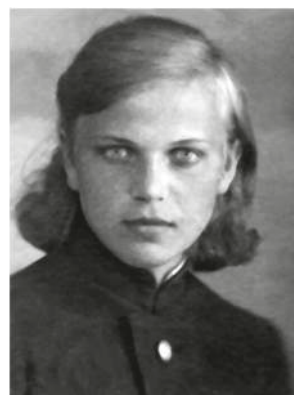

1945 г. Военврач 3-го
ранга Баланова
Александра Степановна

Отъезд назначен на 17 сентября. Прощаясь, те, кто уезжал по Ладоге на Кобону, печалились о друзьях-товарищах, оставшихся в уже заблокированном врагом Ленинграде...

Казавшийся огромным выпуск Военно-Морской Медицинской Академии 1941 года за одну штормовую ночь на Ладожском озере уменьшился почти на полторы сотни человек. Молодые врачи, направляясь на корабли, в морскую пехоту и в авиационные части различных флотов и флотилий, погибли под бомбёжкой в холодных волнах Ладоги.

12 сентября 1941 года на Ладоге началась блокадная навигация, на которую было так много надежд в уже осаждённом городе. Под непрерывными налётами вражеской авиации уходили от мало приспособленных причалов катера, тащившие баржи. Выжить в этом

1944 г. Слушательница ВММА
Александра Баланова

кипящем аду было невозможно, и 17-го, когда фашистские дивизии усилили натиск, пытаясь прорвать оборону города, Ладога штормила не только от осеннего ветра, но и от бесконечно рвавшихся вражеских бомб...

О трагедии на Ладоге выпускница выпуска ВММА 1941 года военврач 3-го ранга (капитан) Александра Баланова узнала через несколько дней в Кронштадтском госпитале, куда была направлена после выпуска.

Однажды, по делам госпиталя она возвращалась из Ленинграда в Кронштадт и встретила на пирсе мужа Валентина

Звонцова, который руководил эвакуацией детей, оставшихся ещё в городе. Краткая встреча, обмен горестным известием о гибели друзей, и Саша прыгнула в отходивший от пирса катер. Снаряды рвались то впереди, то сзади маленького судёнышка – как раз начался обстрел порта. Валентин не знал, живой ли добралась его Александра до своего госпиталя в Кронштадте. Им повезло.

Александра Баланова лечила больных, оперировала раненых, ставила на ноги и тех, и других, радовалась, когда воины возвращались в строй, горевала, если не могла спасти от увечья или смерти. Исчезла беззаботная, весёлая любимица курса Са-

1941 г. Молодые военно-морские врачи
(слева направо): Валентина Слинко, Татьяна Проварихина,
Александра Баланова и Валентина Вихрова.

шенька-Шурочка. У операционного стола – сосредоточенный, серьёзный хирург, военврач Александра Степановна. Она воюет со смертью, и на её передовой нечасто бывают тихие дни, похожие на запомнившиеся показательные операции профессоров академии, когда в операционной были слышны только позвякивание инструментов да негромкие голоса врачей, а уж будущие медики просто затаивали дыхание, чтобы всё увидеть, понять и запомнить.

Здание госпиталя содрогалось от взрывов бомб и снарядов, но врачи не отходили от операционных столов. Защищая город, стреляли по врагу главные калибры линкоров “Октябриня” («Октябрьская революция») и “Марат”, крейсеров “Киров” и “Петропавловск” и других кораблей, уходили воевать на сушу моряки. Врачи, медсёстры и санитарки работали сутками напролёт. Борьба за жизнь продолжалась.

Тем временем бои под Ленинградом не затихали ни днём, ни ночью, и врачи трудились без отдыха, город жил, боролся с голодом, холодом, с 25 сентября сорок первого враг не продвинулся ни на шаг.

День 18 января 1943 года, когда наши войска прорвали вражескую блокаду, стал праздником для всей страны – приветствия и поздравления шли от всех союзных республик, казалось, стало легче дышать, но до окончательного освобождения от блокады оставался ещё долгий-долгий год, полный неимоверно тяжёлых трудов и горьких потерь.

Саша Баланова горевала над каждым раненым, жизнь которого не удалось спасти. И носила под сердцем новую жизнь. Как её уберечь в этом аду, когда по городу каждый день враг “с горы Вороньей из дальнобойной «Берты» бил”, как писал поэт-ленинградец Михаил Дудин.

В августе 43-го военврач Баланова служила уже в госпитале, что на Фонтанке, недалеко от Витебского вокзала, а жила на Малодетскосельском проспекте с сестрой Екатериной Степановной

1943 г. Встреча подруг
Валентины Слинко (слева)
и Александры Балановой

Есауловой, племянником Серёжей, малышом, которого необходимо было сбересть от голода и холода. Для жизни!

Муж Валентин, однокурсник и военный врач, занятый в госпитале, редко бывал здесь.

16 августа Александру пришла навестить однокурсница по ВММА Валентина Слинко, у которой сынишке Валерику было уже два месяца. Выдался довольно спокойный день, и Саша пошла проводить Валентину к трамваю – в 1943 году по городу уже ходили трамваи. Они ходили довольно редко и, увидев вдалеке колыхающийся вагон, бывшие спортсменки, военно-морские врачи, забыв, что одна из них беременная на последнем сроке, побежали к остановке.

Саша, усадив Валю в трамвай и поздравив с наступающим праздником ВВС, который приходился на 18 августа, возвратилась домой.

Дома почувствовала, что начинаются роды. Старшая сестра Екатерина Степановна вызвала машину, и Александру увезли в больницу им. 25 Октября.

– Лежи! Тебе нельзя вставать, роды у тебя будут трудные, – предупредили молодую роженицу медики.

– Не могу лежать, я сама врач, знаю... – отвечала Александра. – Не могу лежать! – и всё порывалась встать и походить. Акушерки не давали...

А в городе было удивительно тихо. Тёплая августовская ночь накануне праздника Военно-Воздушных сил давала передышку утомлённым обстрелами людям.

Саша родила в половине пятого утра 17 августа. Дочку 3 кг 600 г. назовут потом Наташей. С первым криком новенькой жительницы планеты началась тревога и жуткий артобстрел. Все ушли в бомбоубежище и девочку унесли, а Сашину кровать отодвинули от окна – в убежище идти она наотрез отказалась.

Счастливая, что родила здоровенькую дочку, что избавилась от тяжёлого живота, она мало внимания обращала на обстрел – теперь ей ничего не страшно – расти Наташка, дочь блокады! Она ещё не знала, как на этом маленьком её продолжении скажутся блокадный голод и блокадные стрессы. Но мать была готова к борьбе за жизнь и здоровье своего ребёнка.

И снова работа в госпитале, пробежки до дома, чтобы покормить дочь. А потом Наташу пристроили в ясли, и Александра из госпиталя, что у Витебского вокзала, шла за дочкой в ясли и с ней возвращалась в госпиталь. Писала истории болезни, обхо-

дила своих раненых, а потом шла дочерью с тяжелевшей с каждым днём дочуркой на руках (ни о каких колясках тогда даже и мысли не было, все носили своих малышей на руках).

И так каждый день: хоть тревога, хоть обстрел, – военврач Баланова с ребёнком – в ясли, в госпиталь, в ясли, в госпиталь...

...Она шла из яселек в госпиталь, где нужно было ещё раз осмотреть прооперированных утром раненых, дописать истории болезни. Январский мороз обжигал щёки, и она плотнее прижимала к себе закутанную в одеяло дочь, чтобы укрыть от злого ветра, да и сама прятала нос, уткнувшись в холодное одеяльце.

Нет, не успеет пятимесячная Наташка замёрзнуть, пока мать добежит до госпиталя. Вот они и под крышей. В ординаторской развернула свой драгоценный свёрток, убедилась, что внутри тепло и сухо, и пошла к своим раненым.

Середина января 1944 года. И уже год, как прорвана блокада, освобождена столица Украины – Киев, а в Ленинграде ещё, ой! как трудно. Стало больше поступать раненых, значит, начались бои за окончательное освобождение города от блокады.

Капитан
Александра Баланова

Блокадницы – Александра Степановна с дочерью Наташей

Майор Баланова
Александра Степановна

Саша дописала последнюю историю болезни, посмотрела, как спокойно спит дочурка, и задумалась. Ей вспомнилась августовская ночь 43-го года, трудные и счастливые роды.

– Вот и воспоминания у нас есть, моя Наташка, – подумала она и пошла перед уходом домой ещё раз посмотреть на своих раненых. Да и на выздоравливающую Танюшку, девятилетнюю девочку, которую санитары сняли с горы трупов, услышав слабый стон. На руках у матери она потеряла сознание. Убитая горем мать думала, что голодный ребёнок умер. Её и приняли за мёртвую. Застонала, потому что крыса вонзилась девочке в бедро – вывела из обморока. Санитары внес-

ли её в приёмный покой, она заплакала и просила пить и кушать.

Добрые дяденьки накрошили хлеба в мисочку с тёплой водой – покормить голодного ребёнка. Тут вошёл доктор:

– Отставить кормление и немедленно на стол! – Обработал раны, где надо, зашил. Унесли в палату, кормили понемногу-понемножечку. Выходили девочку, и вот она уже надёжно поправляется. Скоро переведут в детдом.

Александра поправила одеяло на Танюшке, завернула свою Наташку, и снова на январский холод, по тёмному городу от Витебского вокзала, рядом с которым был госпиталь, домой.

А утром снова в ясельки, сдать нянечкам Наташу и бегом в госпиталь. Если не было операций, то надевала халат (чтобы было теплее) прямо на китель, и тогда было видно, что у доктора под халатом погоны. Это было внове, но они довольно быстро привыкли к своим серебристым медицинским погонам.

Изредка встречаясь со своей однокурсницей по Военно-морской медицинской академии Валею Слинко, шутили: вот бы сфотографироваться в новой форме, сравнить с фотокарточкой выпускниц ВММА. Там девочки в морских кителях, вот теперь они – настоящие офицеры, а на том снимке они ещё не знают, что 17 сентября 1941 года их большой курс – молодые врачи, получившие назначения на флоты, флотилии, воинские части – понесёт невосполнимые потери.

138 человек погибли в холодных волнах Ладоги – их баржа разломилась во время шторма и затонула. Утонула и Татьяна Провадрихина (с.м. фото). Три другие подруги-сокурсницы – Валентина Слинко, Саша Баланова и Валентина Вихрова всё блокадное время служили в госпиталях осаждённого города.

Только после войны, когда стали встречаться однокурсники ВММА выпуска сорок первого года, они поняли весь ужас случившегося 17 сентября 1941-го, всю непомерную горечь потери.

Кто одолел студёные волны Ладоги и выплыл на берег, вспоминали, как тоненькая Аня Воротилова боялась снять шинель – она же казённая и выдана ей под расписку...

Сорвав злополучную шинель, молодые офицеры прыгнули с девушкой в воду, стараясь отплыть подальше от тонущей баржи. Анна Ильинична Воротилова всю войну прослужила врачом на кораблях Черноморского флота, она написала трогательные за сердце воспоминания о трагедии баржи № 752, которую тасил по штормовой Ладоге буксир «Орёл»...

Василий Поляков бросился в воду вместе с молодой женой. Доски разбитой баржи разделили их. Долго искал в студёной круговерти Василий Васильевич свою молодую жену. Напрасно...

Один молодой врач помог своей беременной жене спастись, а сам, помогая другим, погиб. Его сын через десятилетия приезжал

1981 г. 40 лет выпуска из ВММА, в первом ряду третья слева Александра Баланова, во втором ряду третий слева Василий Поляков

1992 г. У дверей «альма-матер», в первом ряду слева Александра Баланова, во втором ряду в центре Евгений Досычев.

в Ленинград на встречу выпускников ВММА, которые собирались в Осиновце у памятника погибшим ...

Выросший на Днепре, плавающий, как рыба, Евгений Досычев помогал, как мог товарищам в ту страшную ночь. Потом его самого замёрзшего, наглотавшегося воды, совершенно больного еле довели до госпиталя.

Думал ли кто из них, прощаясь на залитом солнцем дворе родной Академии, что одним предстоит 900-дневное испытание бомбёжками, обстрелами, голодом и холодом, а другим – близкая гибель в волнах разбушевавшейся Ладоги.

...Почти шестьдесят лет нашей дружбе. В 50-е годы прошлого века (подумать только, как это было давно!) мы – три офицерские семьи жили в одной коммунальной квартире с крохотной кухонькой, в которую и вдвоём-то не войти вместе. Мы с нежностью до сих

17 сентября 1992 г. У Мемориала погибшим в волнах Ладоги, справа Александра Степановна Баланова, рядом с ней Анна Ильинична Воротилова, майор медслужбы в отставке.

пор вспоминаем нашу «коммуналку» – самую дружную в гарнизоне.

Мужья уходят рано на полёты, капитан медслужбы Баланова надевает передник, готовит завтрак для всех остальных и уходит на службу. Я кормлю Наташу и провожаю в школу, завтракаем с Лидой, педиатром нашего посёлка, и она заворачивает своего двухмесячного Сашу, берёт за руку моего трёхлетнего Тольку и – одного в ясли, другого в детский сад, сама – в поликлинику. Я мою посуду, запираю квартиру и бегу в Дом офицеров, где, за неимением другой работы, работаю в библиотеке.

Вечером собираемся в самой большой (из трёх) комнате, расстилаем на полу лётные куртки мужей и усаживаемся напротив растворённой дверцы жарко натопленной печки.

Это были вечера воспоминаний довоенной жизни и страшных 900 дней, которые Александра от первого до последнего дня провела в осаждённом городе, сутками, бывало, не отходя от операционного стола. Да и тогда, когда мы жили в знаменитом гарнизоне под Ленинградом, капитана Баланову частенько вызывали в соседний госпиталь на помощь молодым хирургам: опыт-то у неё был не какой-нибудь, а военный.

А как-то назначили в гарнизоне офицерские стрельбы, и Александра Степановна лучше всех отстрелялась из пулемёта. Мы с Лидой гордились своей подругой перед мужьями-лётчиками, которые из пулемёта стреляли хуже, чем наш любимый доктор.

Из древнего лоцманского посёлка Лебяжье, что под Ленинградом, наш полк перевели на Украину, и майор медицинской службы служила в военно-морском авиационном полку.

Уволившись в запас, вернулась в Ленинград. Как водится, после долгих мытарств получила ветеран Великой Отечественной, блокадница, квартиру в любимом городе. Работала пластическим хирургом, освоила гомеопатию, пациенты всегда с любовью относились к доктору, после встречи с которым рождалась уверенность, надежда на исцеление.

И много лет подряд однокурсники выпуска Военно-морской медицинской академии 1941 года встречались 17 сентября на

85! Александре Степановне, ветерану Великой Отечественной, военному хирургу!

высоком берегу Ладожского озера у мемориала на месте захоронения их товарищей, погибших в ту трагическую ночь на барже № 752.

Когда зарождалась традиция поминовения оставшихся навсегда молодыми друзьями, на берег Ладоги у Осиновца приезжали флотские врачи из Сибири и Украины, Белоруссии и Литвы – со всего Советского Союза. С каждым годом их, прошедших всю войну в госпиталях, на кораблях и в медсанбатах, становилось всё-меньше. И вот уже их только двое: полковник медслужбы в отставке Сергей Иванович Жолудев и подполковник медслужбы в отставке Александра Степановна Баланова, бабушка и прабабушка, историю жизни которой знают и будут помнить всегда внук Александр, правнуки Артём и Вовочка.

Но время течёт неумолимо: попрощались мы с Александрой Степановной, попрощались и с Наташей, её, «младенца блокадного Ленинграда», не миновал «блокадный синдром».

Санкт-Петербург

К.Б. Аникина у стелы с именами военно-морских врачей, погибших в волнах Ладоги 17 сентября 1941 г.